

Федерализм и международное частное право

Когда государства объединяются в союз на принципах федерации, предстоит решить важный вопрос о том, на каком уровне будет регулироваться соотношение частных интересов и множественности правовых систем как на межгосударственном (т.е. в отношениях между субъектами федерации), так и на международном уровне. Может ли объединение государств в союз привести к так называемой конкуренции компетенции между федерацией и её субъектами в области регулирования вопросов международного частного права, или же, напротив, оно создает систему, в рамках которой иерархия отношений между федерацией и её субъектами наделяет федерацию верховной властью и исключительной компетенцией в отношении урегулирования вышеуказанного вопроса?

В данной области особо показательным является пример Соединенных Штатов Америки, где вопрос по поводу разграничения компетенции между федерацией и её субъектами возникает достаточно часто. Однако стоит сказать, что четкий и однозначный ответ на данный вопрос найти крайне сложно, поскольку создание государствами интеграционного объединения приводит к формированию своеобразного «клубка правовых систем», распутать который очень трудно. Тем не менее, стоит полагать, что данная проблема свойственна федерализму и различным значениям,

которые может принимать данный термин. Если говорить точнее, основная сложность заключается в том, что федерализм является, прежде всего, идеей, системой политической организации, которая в институциональном отношении может выражаться в различных формах, но подчиняющийся, тем не менее, одной закономерности: поиску единства, совместимого с определенным разнообразием.

Выражаясь институциональным языком, данная закономерность принципиально означает, что создание политического союза государств не влечет прекращения существования таковых. Являясь частями единого целого, государства, участвующие в подобном союзе, сохраняют при этом определенную политическую и юридическую автономию, степень которой в различных государствах неодинакова, однако может быть оценена исходя из способа разграничения компетенции между федерацией и её субъектами.

Таким образом, главная цель исследования соотношения федерализма и международного частного права состоит, по нашему мнению, в поиске источника компетенции по предмету, преимущественно в федеративном договоре, который чаще всего принимает форму Конституции, и какое именно публично правовое образование – федерация или ее субъекты – наделено соответствующей компетенцией.

В США («живой лаборатории» федерализма) несмотря на то, что подобная компетенция может быть взята на себя федерацией [1], вопросы международного частного права относятся к ведению штатов, как в части регулирования отношений между штатами, так и в части регулирования отношений между США и третьими странами.

Что касается России, в Конституции Российской Федерации прямо указано на то, что «федеральное коллизионное право находится в ведении Российской Федерации» (Конституция, ст.71, п. «о»), тем не менее, существует и совместная компетенция (Конституция, ст.72), в частности

трудовое и семейное право. Таким образом, не исключено возникновение интерлокальных коллизий, несмотря на то, что, в любом случае, федеральное законодательство будет обладать высшей юридической силой, нежели противоречащее ему законодательство субъектов.

В рамках Европейского союза вопросы международного частного права (между государствами-членами Союза, а также между государствами-членами и третьими странами) традиционно относятся к компетенции каждого государства. Тем не менее, после вступления в силу Амстердамского договора от 2 октября 1997 г., компетенция в данной области перешла к Союзу (ст. 81 ДФЕС – *Договора о функционировании Европейского союза*). Поскольку Союз не обладает исключительной компетенцией в данной области, разделяя ее с государствами-членами, и, следовательно, ссылаясь на то, что законодательство Союза обладает высшей юридической силой, нельзя, появляются многочисленные трудности. Можно назвать два типа подобных трудностей: это, во-первых, трудности, касающиеся вопросов действия в пространстве оснований для распространения компетенции каждого образования (государств-членов или Европейского союза) и, во-вторых, вопрос о разграничении областей применения каждого вида компетенции.

В качестве заключения можно отметить, что международное частное право в рамках Европейского союза в течение последних десятилетий постепенно закрепилось на конституционном уровне (если, конечно, считать, что Договор о Европейском Союзе и Договор о функционировании Европейского Союза являются своего рода федеративной «Конституцией»), и вопросы, которое оно регулирует, отныне также должны включать публичный аспект, делая привычное деление права на частное и публичное еще более относительным.

1. Статья 1 Раздел 8 Федеральной Конституции Соединенных Штатов Америки.